

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 29

1 июля 1944 года

№ 29

содержание:

Гроза над Англией — В. Огнев

★

Девятая беседа старого казака
с моподыми

★

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Крас-
нов

★

Стихотворения Н. Туроверова
и Н. Евсеева

★

Поющие сердца — Т. М.

★

Казак — окончание повести
А. Агронова

★

Начало зародыша — хор. Ба-
ранов

★

Смерть сотника Свиарева —
А. Погодаев

★

Розыски

Два друга

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Гроза над Англией

«Было бы крайне наивно со стороны англичан думать, что они достаточно испробовали ту кашу, которую сами же заварили... Однако, это лишь первый оборот винта, который будет завинчен так крепко, как это потребует!»

Тайна германского способа ведения войны постепенно открывается и неверующим: Германия долго ждала, ограничивалась оборонительными действиями, временно отдавала занятую территорию, не считалась с вопросами престижа, а тем временем она вооружалась, накапливала силы и сэкономила резервы, что-бы, создав новое оружие, пустить его, наконец, в ход. Уже первые удары грома оглушили ее противников, но дело не ограничится этими первыми ударами грома.

Теперь ясно, что германское верховное командование скрывало свое «оружие возмездия», начавшее действовать в ночь на 16 июня, до того момента, когда оно смогло поразить наибольшую и более всего уязвимую площадь. Этим моментом был момент вторжения, и именно тот час, когда англо-американские войска в достаточном количестве высадились на европейском континенте и уже не имели возможности избежать борьбы «лицом к лицу». В небывалом в истории предприятии против южной Англии и Лондона, начатом 15 июня, сливаются воедино военное требование данного момента и приведение в исполнение приговора, которое лондонские бомбометчики сами вызвали своим дрящимся два года террором против европейского гражданского населения.

Каждый европеец в подвергающихся бомбардировке областях является свидетелем против Англии. Французы, бельгийцы, голландцы, немцы, итальянцы, венгры, румыны, болгары, словаки, все они обвиняют воздушных бандитов в Лондоне, дождавшихся теперь ужасной, но справедливой кары. Все эти народы видели, как разрушаются их города, церкви, их тысячелетние культурные центры, все они пережили гибель своих жен и детей, все они блуждали по улицам горящих городов, в то время как пилоты-саисты кружились над ними, обрушивая на них тонны бомб и град пуль.

Следует только припомнить, как бесконечно много раз английские и американские газеты торжествовали по поводу воздушного террора, как английские и американские государственные деятели, представители церкви и генералы заявляли, что «бомбы являются единственным средством воспитания, которое понятно немцам», как Черчилль и его воздушный маршал Гаррис хвастались, что их летчики с новейшими и самыми тяжелыми бомбами являются настоящими «громилами жилых кварталов», как английские викарии и епископы благословляли старт экипажей бомбовозов, и как английских детей заставляли «за небольшую плату» отмечать выставленные в Трафальгарском сквере бомбы белой краской, что должно бы-

ло означать, что эта бомба по их поручению будет сброшена на германских, французских или венгерских детей.

Но и другое обстоятельство становится теперь совершенно ясным: как неправильны были расчеты англо-американцев, принимавших внешнюю видимость временных обстоятельств за факт. Эти расчеты базировались на том, что германская авиация частично связана тяжелыми боями на востоке и юге, и поэтому англо-американцы считали, что они могут без помехи убивать женщин и детей. Однако, германские конструкторы, рабочие и солдаты отвечали на все это неслышной, но упорной работой, о которой внешний мир ничего не знал.

Показательно и то, что германское верховное командование, помимо цели возмездия, руководствовалось также чисто военными соображениями.

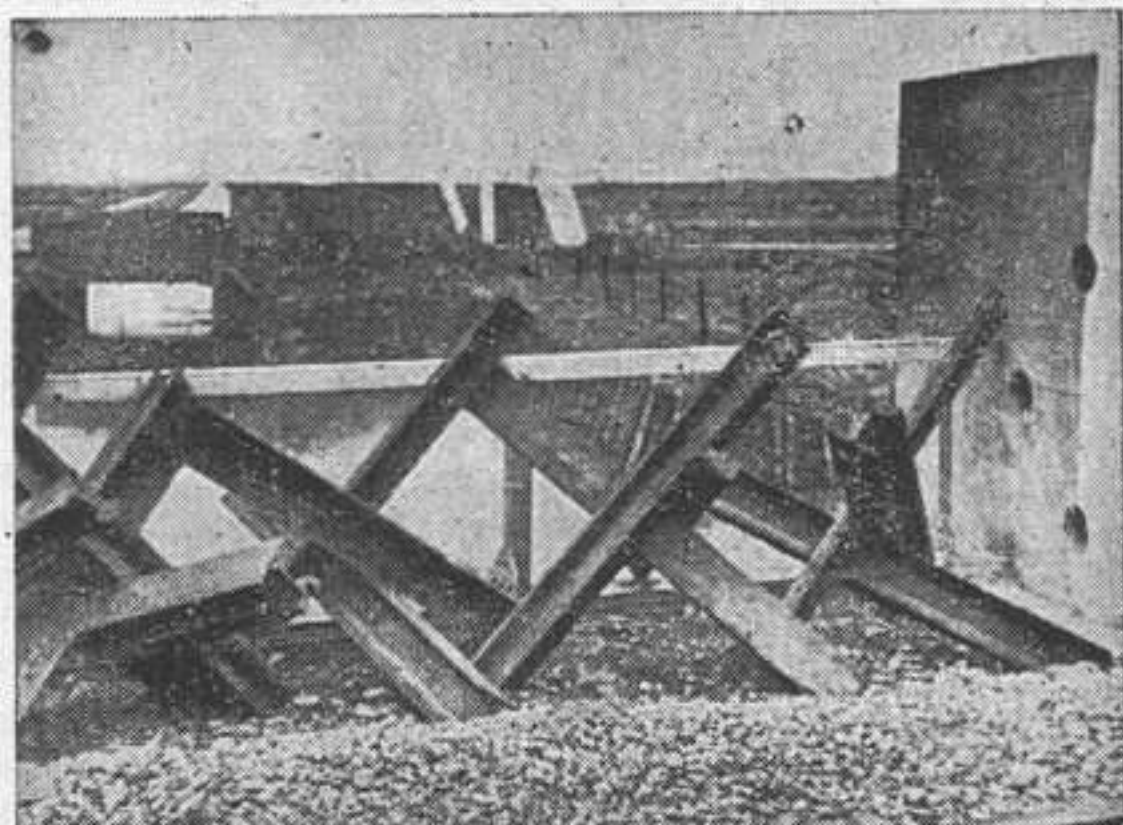
Германские «динамитные метеоры» падают на важные, с военной точки зрения, зоны, на доки, склады и промышленные центры Лондона, на порты южной Англии, во главе с Портсмутом, которые в эти дни кишат предназначенными к посадке войсками, на весь плацдарм наступления против Европы, где стоят армии Эйзенховера. Германское возмездие является, прежде всего, военным предприятием и в этом смысле значительной частью битвы на Западе.

С этой точки зрения другую физиономию приобретает и вторжение. Англо-американцы, ведущие в Нормандии жесточайшие бои и вовлекаемые в еще более упорные сражения, чем дальше они выходят за досягаемость своих судовых орудий, знают, что в их тылу, в Англии царит подлинный ад. Их пополнения несут чувствительные потери, и ближайший к фронту тыл на южном побережье Англии разбивается.

Германские же солдаты, борющиеся плечо к плечу с мужественными добровольцами народов Востока и ведущие на Западе решающую битву против мирового капитализма и большевизма, должны испытывать чувство величайшего удовлетворения по поводу свершающейся кары в уверенности, что начавшееся возмездие еще далеко не все то, что Германия подготовила в этот решающий час. Нет лучшего предсказания для того, что ожидает Англию, чем предсказание известного германского радиокомментатора Фритче, следующими словами охарактеризовавшего положение Англии: «Было бы крайне наивно со стороны англичан думать, что они достаточно испробовали ту кашу, которую сами же заварили... Однако, это лишь первый оборот винта, который будет завинчен так крепко, как это потребует!»

В. Огнев.

Между Шербургом и Гавром

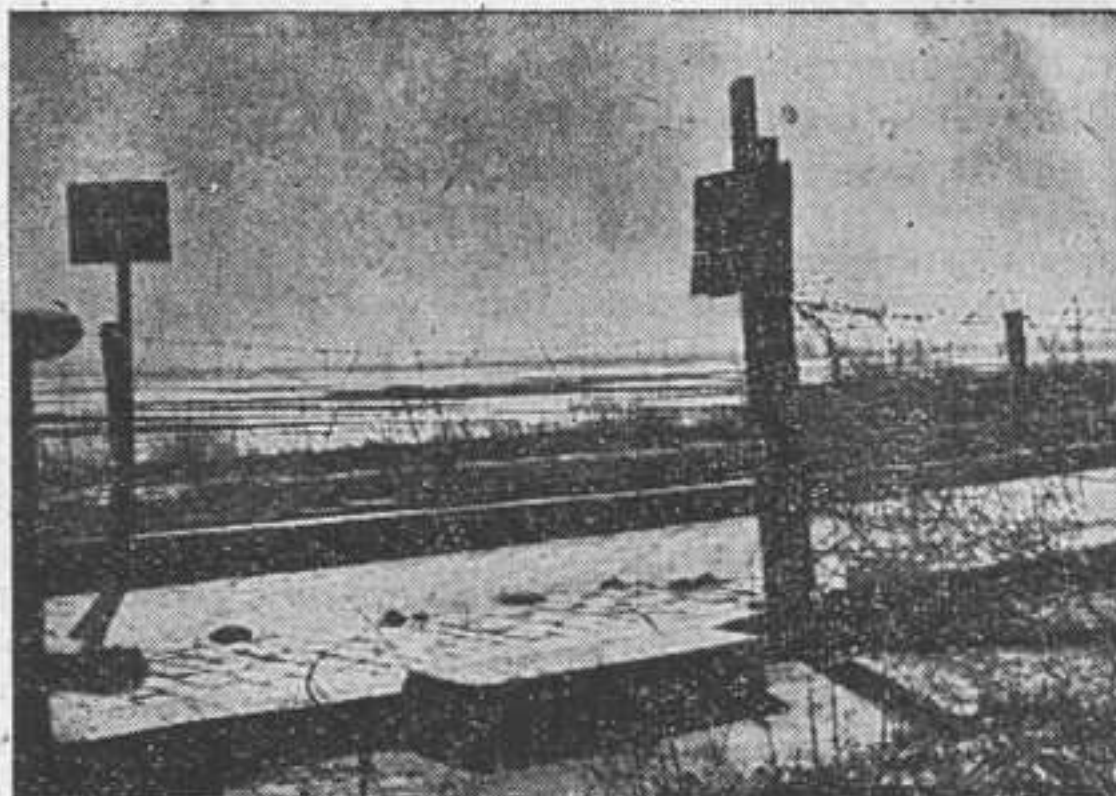
Противотанковые заграждения

Казачий урядник рапортует начальству о состоянии
вверенного ему поста

Казаци-артиллеристы у тяжелых орудий зенитной батареи

Местность сзади Атлантического вала затоплена

Беседы старого казака с молодыми

Беседа девятая Душевный облик лошади.

После вольной и свободной жизни в степи, после милого зова матери; жизни своим молодым табуном и тяжелой борьбы за эту жизнь; после яркого донского солнца и широкого степного раздолья — темноватая конюшня, цепь или веревка недоуздка и стой целые сутки, упершись носом в каменную, или бревенчатую стену. Тут не то что лошадь, а и самый разумный человек, поставь его в такие условия жизни, — оглушеет и станет идранным и непонятливым.

Раз в день, на час, — манеж и выездка.

Чем больше наездник во время урока говорит с лошадью — тем податливее и покорнее она становится. Не думайте, что лошадь понимает и запоминает слова, как многие слова понимает и запоминает собака. Этого лошади не дано. Собака свою кличку узнает едва не с первого дня и идет на нее; лошадь долго не может усвоить свое имя. Но лошадь — музыкальна. Она слушает музыку человеческого голоса, интонацию его, и скоро отличает угрозу и брань от ласки и поощрения. Лошадь некорыстолюбива и неподкупна. Кусочек сахара, корка хлеба, посыпанного крупной солью... да нет! и этого не нужно. Ласковое слово — звук его; похлопывание по шее ладошкой, оглаживание — и лошадь поняла: она правильно поступила. Поняла — и запомнила. На этом свойстве ума лошади, ее памяти, и основана выездка. Брань, угроза, если необходимо нужно — удар хлыстом — за непонимание, за нарочитое упорство, за проявление злой воли; ласковое слово, оглаживание, отдых, горсть овса за старание и понятливость.

При современных правилах выездки, — корда и работа в руках, — лошадь очень скоро дает на себя сесть и начинает ходить тем аллюром — тем ходом, каким хочет, чтобы она ходила, всадник. И вот начинаются тонкости: боковые движения (принимания вдоль стены манежа, или через манеж), мена ноги на галопе. И вдруг: — не дается это лошади! Целую неделю наездник мучается с нею. Ни угрозы, ни наказания, ни удары хлыста — ничто не помогает. Ну — конечно: «лошадь глупое животное!»... лошадь самое глупое животное!»

Наступает воскресенье. Отдых наезднику и лошади. В понедельник наездник с отчаянием начинает свою работу. Что случилось? Лошадь прекрасно исполняет все его требования. За воскресенье она продумала всю работу недели, поняла и усвоила требования наездника... Разве это не ум?

Знаете-ли вы, что лошадь не наступит на лежащего человека, не тропет, не ушибет его копытом, а о бревно может и споткнуться. На ученьи широким наметом, в резервной колонне идет казачий полк. Зной. Пыль такая, что всадник из за нее не видит ушей своей лошади. В одном из передних взводов сомлел казак и унал с лошади. Вся колонна прошла над ним. Не встанет!... Но вот рассеялась пыль и в мутном ее облаке видно — бежит казак, догоняет свою коню.

Как-же могло так случиться, что в этой пыли, в тесноте резервной колонны, ни одна лошадь не

затронула, не зашибла, не убила казака? Ведь они не видели лежащего?!

Если вы вскрыете башмак копыта лошади — вы увидите, что за тонкой роговой оболочкой находится пучек тончайших нервов и кровеносных сосудов. Этими нервами лошадь копытом чувствует, по чему она идет, или скачет. Потому так чувствительно копыто ко всяким ранениям и так медленно и трудно поддаются копытные заболевания излечиванию.

У одного ломового извозчика была лошадь, которую всегда ковали в одной и той же городской кузнице. Если ей случалось во время езды по городу сломать, или потерять подкову — она сама сворачивала на дорогу в кузницу. Извозчик знал в чем дело и не мешал ей идти — поправить ковку. Значит, думала-же она, понимала, что случилось и что нужно сделать!

Лошадь служила в кавалерии 10 лет. Пятилетней, «подъездком», поступала она в полк; год считалась молодой лошадью и доезживалась. Если по истечении 10 лет лошадь была достаточно сильна и крепка, ее оставляли еще на год, а иногда и на два года дополнительной службы. После она поступала в обязательный брак и продавалась на сторону.

Как любили и знали свой полк, свой полковой марш, своих полковых товарищей и товарок такие лошади!

Однажды, такая старая лошадь была, продана городскому извозчику. В городе стоял другой кавалерийский полк. Когда он проходил по городу, лошадь настораживалась, настремляла уши, но была спокойна. Осенью ее полк приходил на обще-кавалерийские сборы. Уже издали услышит лошадь, звуки родного полкового марша. Как она взволнуется и забеспокоится! Много нужно труда и усилия, чтобы удержать ее на месте. Так и бросилась бы она навстречу родному, любимому полку. Полк ближе и ближе. Вот показались рыжие кони ее драгунского полка. Громким залившимся ржанием встречает она их. Она будто узнает своих товарищей и товарок в эскадроне. Она топчет на месте, порывается скакать. Старые драгуны узнали ее, окликают... Годы помнит она свой полк и любит его... До самой смерти!

В Русской кавалерии лошадей подбирали по мастям: драгуны сидели на рыжих (в гвардии на гнedyх), уланы на гнedyх (в гвардии на рыжих один полк и на караковых другой), гусары — нечетные полки на вороных и четные на серых.

Вы с насмешкою говорите: — «это ни к чему! для красоты что-ли?»

— Знайте одно и запомните: — красота — родная сестра порядка, а порядок — родной брат дисциплины, а что такое воинская часть без дисциплины вам не нужно говорить; вы это и без меня знаете.

Так как казаки служили на собственных лошадях — от них не требовали определенной масти. Каждый приходил на том коне, которого имел, или мог приобрести. Но последние годы перед войной 1914-1918 г.г. и в казачьих полках считали пуж-

Пал смертью храбрых полковник С. В. Павлов

Из Белорусских лесов пришло печальное известие: 17 июня 1944 года пал смертью храбрых в сражении против партизанских банд полковник Павлов, Сергей Васильевич.

В лице С. В. Павлова казачество потеряло одного из выдающихся борцов за казачье дело.

С. В. Павлов, природный донской казак, станицы Екатерининской, в 1912 году окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге и все время служил в казачьих рядах. В минувшую гражданскую войну он был сначала командиром бронепоезда, а потом военным летчиком. С первых же дней приближения германских войск к пределам Дона в 1942 году, С. В. был одним из зачинателей и первых организаторов казачьих антибольшевистских отрядов, принесших много пользы на родных просторах освободительной союзной немецкой армии. Не так давно С. В. был назначен членом Главного Управления Казачьих Войск, возглавляемого генералом П. Н. Красновым, и был одним из руководителей устройства казачьих станиц на Востоке и организатором военной охраны их от партизан, от рук которых, на своем посту и пал доблестный донец.

Светлый образ казака-рыцаря, Сергея Васильевича Павлова, вечно сохранится в благодарных казачьих сердцах и память о нем передастся потомкам на берега Тихого Дона, за свободу которого он бился до последнего смертного часа.

нЫм подбирать в сотнях лошадей по мастям: в первой — рыжих, во второй — бурых, в третьей — вишнево-гнедых, в четвертой — караковых, пятой — серых и шестой — вороных. Делали это не ради красоты строя, но ради **порядка и дисциплины**. Догадайтесь — почему?

Самая идравная, дурноезжая лошадь становится кроткой и покорной, когда на нее садится пьяный казак. Что она? Боится что-ли его? Чего ей бояться? Она сильнее его. Ей ничего не стоит свалить его с ног, затоптать, брыкнуть — даже загрызть. Нет, она **бережет** его, ибо чувствует, что он ненормален.

Лошадь, однако, умеет помнить, — и навсегда запомнить — незаслуженную обиду и оскорбление. Одному офицеру был приведен из Ново-Александровского Государственного завода молодая три четверти кровная кобылица. Она была совершенно невыезжена и, когда офицер на нее сел, — она сбросила его на землю. Рассерженный офицер избил ее хлыстом по голове и приказал увести. С той поры лошадь этого офицера — и только его одного — не подпускала к себе. Когда он приближался к ее деннику, она прижимала уши к темени, кидалась на него, щелкая зубами, поворачивалась задом, грозя лягнуть. К другим офицерам и казакам полка она была ласкова и им покорна. Офицер был принужден продать эту лошадь. Она отлично пошла в выездку и была прекрасной лошадию, но того офицера, который избил ее так никогда и не подпустила к себе. Что же это такое, как не проявление ума?

Лошадь чувствует настроение всадника. Когда всадник взволнован, расстроен — и лошадь волнуется, не знает, как угодить ему. Всадник тих и печален — и лошадь покорно и тихо идет под ним.

Когда идет казачья колонна — слышен шум. Топот копыт; там подкова ударила о дорожный камень; тут, там отфыркнулась от дорожной пыли одна, другая лошадь; раздались короткое ржание. Но вот объявлено осторожное, может быть, ночное движение: людям запрещено курить и разговаривать. Туже подвязаны шапки. Ни одно стремя не брякнет о стремя. Что случилось с лошадьми? Разве понимают они, что нужно красться, что нельзя шуметь? А ведь и точно: ни один камушек не затронут: точно на носочках идут. Ни одна не вздохнет и не фыркнет. Ни одна не заржет! — что же это такое? Кто многие годы провел на походах — тот знает разницу настроений лошадей, когда идут открыто — казаки — курцы курят и идет легкий разговор и когда движение скрытное...

А как знают лошади команду: «смирно» — перестанут мотать головами и точно, как и люди, станут «смирно».

Скаковая лошадь самолюбива. Она сама хочет быть первой «на финише» — на конце скачки. Но и как волнуется она на скачке! Я знал лошадей, которые, когда услышат, что на скаковом кругу играет музыка и — значит — сегодня будут скачки, приходили у себя на конюшне в большое волнение. Покрывались потом, кидались в деннике на солому и с головой зарывались в нее, чтобы забыть, что сегодня — скачки.

Для меня — беседа о лошадях, с кем я прожил долгую жизнь — бесконечна. Но, сознаю, — тема не «актуальна» и — потому — кончаю. Нужно поговорить о том, как из разбросанных даже на многие сотни верст друг от друга сотен — создается полк — одинаково воспитанный и обученный.

Старый Казак

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА XXXIII

(Продолжение; начало в № 28 «На Каз. Посту»)

Взятие Платовым укрепленного города Намюра. Донцы в сражении у Краона. Под Парижем. Вступление союзных войск в Париж 19 марта 1814 года. Мир. Приказ Платова Атаманскому полку. Высочайшая грамота Войску Донскому.

4 февраля 1814 года Платов с несколькими казачьими полками подошел к укрепленному городу Намюру. Он потребовал сдачи города. Комендант ответил с французским высокомерием:

— Рвы наполнятся трупами, река обогрится кровью, а города не сдам. Храбрость и решительность французов всем известны.

Платов спешил казачьи полки; отослал назад коноводов с лошадьми, выставил на позицию донскую казачью батарею и стал обстреливать город. На крепостных стенах были подбиты два французских орудия и прислуга при них перебита. Так шло до ночи.

С наступлением сумерок Платов приказал раскладывать большие костры при коноводах; дальше — при обозах, еще дальше — на пустых местах сзади обозов.

Это должно казаться в городе, будто и казакам подходят свежие, большие силы.

Собрав к своему шатру командиров полков, Платов сказал им:

— С Божьею помощью я решился в эту ночь взять город приступом. Мы — Русские и, следовательно, должны ожидать удачи. С именем Бога и Государя приступим к делу.

По отряду же был отдан приказ: ... «С твердым упованием на Бога, с ревностным усердием к Государю и с пламенной любовью к Отечеству совершим в сию ночь приступ к городу Намюру. Со всех полков наряжаются по три, а с Атаманского полка пять сотен пеших казаков с дротиками. У кого есть патроны, тот должен быть с ружьем. Наблюдать тишину; а, приступая к городу с трех назначенных мест, производить непрерывный крик. У страха глаза большие; неприятелю сила наша известна. Город кругом оковац нашею цепью; никто не подаст вести врагу. Вспомним Измаильский приступ: к стенам его казаки шли с открытою грудью. Вера и верность увенчались там успехом; и здесь, уповая на Бога, ожидаем несомненно славы и победы. Овладев городом, не чинить жителям никакого вреда, никакой обиды. Покажем врагам нашим, что мы побеждаем сопротивников верою, мужеством и великодушием».

Наступила темная зимняя ночь. Платов сидел на камне и, сидя, дремал. К нему подошел полковник Шперберг, назначенный командовать спешенными частями.

— Ваше сиятельство, — сказал он, — казаки готовы к приступу. Платов встал.

— С Божьею помощью, — сказал он, — ступайте, начинайте. Приближайтесь к городу скрытыми путями, тихомолком, чтобы враг и шороха нашего не услышал. Уведомляйте меня обо всем. Подошедши к городу, пустите ракету. Дай Бог, чтобы неприятель сдался без кровопролития. Бог всем располагает; да будет по Его святой воле.

Как только сотни подошли к городским стенам, казаки подняли страшный крик; два орудия донской артиллерии частыми выстрелами ядрами разбивали ворота. Со стен французы стали стрелять по казакам. Первый приступ был отбит. Платов прислал на поддержку Шпербергу полки генерал-майора Грекова 8-го и приказал зажечь ворота. Казаки на конях подскочили к врагам, привезли солому и порох. Кремни застучали о кресала, вспыхнул огонь, и зарево пожара озарило темную ночь. Французы усилили стрельбу. Донские сотни с одними дротиками ворвались через горящие ворота в город. Черноморские сотни (кубанские) усилили огонь по стенам. Французы бросились в городские улицы. Начался рукопашный бой. Он продолжался недолго. Шум боя, пушечную и ружейную стрельбу, крики ура прорезали резкие звуки французской трубы. Неприятель трубил о сдаче.

Приехавший в город Платов предложил переговорщикам чтобы гарнизон крепости сдал оружие и шел в плен, и обещал, что не только жизнь, но и спокойствие жителей ничем не будет нарушено.

Наступал бледный рассвет. Большой отряд французов был обезоружен и приведен к Платову. Стало совсем светло. Пленники и с ними комендант Намюра сидели в казачьем лагере и видели вокруг себя только небольшой конный отряд донских и черноморских казаков. Платов пригласил коменданта в свой шатер закутить после тревожной ночи.

— Где же ваша пехота? — спросил Платова комендант, стоя у шатра.

Платов показал ему на казаков.

— Вот те люди, — сказал Платов, — которые штурмовали город ночью.

— Я должен быть расстрелян за мою оплошность, — вскричал французский полковник. — Никогда я не сдал бы города, если бы знал, что тут одни казаки.

— Э, друг мой, — сказал Платов, — прежде не хвались, а Богу помолись. Напишите-ка лучше Наполеону, что с нашим Государем ополчился на него сам Бог. Мы не желаем зла французам, но хотим только истребить его, общего нашего врага. Ну, идемте, чай с ромом пить!.. Сыро и холодно так-то стоять на ветру.

Днем во главе своего Атаманского полка Платов торжественно вступил в город Намюр. Жители приветствовали казаков радостными криками. В городе Платов нашел четыре орудия и взял много военных запасов.

Это было 4 февраля — казаки взяли конными полками сильно укрепленный город Намюр. А 23 и 24 февраля под городами Краоном и Лаоном произошло кровопролитное сражение Русский корпус графа Воронцова покрыл себя неуязвимою славой. Находившиеся при корпусе донские казачьи полки Мельникова 4-го и Мельникова 5-го в снежную вьюгу по гололедке несколько раз атаковали французскую пехоту и содействовали победе корпуса графа Воронцова. Эти полки получили в 1821 году знамена с надписью: «Донскому Мельникова 4-го полку (Мельникова 5-го) в воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях в минувшую войну против французов при Краоне и Лаоне в 1814 году».

А потом в робкие весенние дни Парижа был торжественный поход союзных войск к сердцу Франции — Парижу.

18 марта под стенами Парижа на Монмартрских высотах началось последнее сражение. К вечеру Монмартрские сильно укрепленные позиции были взяты. Париж сдавался на милость победителя.

19 марта жители Парижа восторженными криками приветствовали союзные войска, вступившие в Париж. Впереди шли Прусские войска, за ними Русская гвардейская кавалерия, за нею ехали верхом Император Александр, король прусский Фридрих Вильгельм III и австрийский фельдмаршал князь Шварценберг, имея позади себя Лейб гвардии Казачья полк.

Вступлением в Париж союзных войск была закончена череда войн с Наполеоном. Наполеон отрекся от французского престола. Во Франции было восстановлено прежнее королевство с королем Людовиком XVIII.

Велики были в ту пору в Западной Европе и в Англии восторг, изумление и преклонение перед Донскими казаками и их атаманом графом Платовым. Они были Русскими, но какими то особенными Русскими казались они иностранцам. В них было нечто такое военное, такое мужество и доблесть, что заставляло преклоняться перед ними. Сколько рисунков, литографий и раскрашенных картин, сколько забавных изображений — «карикатур» появилось в Германии и во Франции, изображающих казаков. Немцы оставили художественные зарисовки Донцов на походе, на отдыхе и отдельных казаков, дающие возможность верно судить, какими тогда были Донские казаки. У французов рядом с точными картинами бивака на одной из главных улиц Парижа, на «Елисейских полях» с изображением того, как купают своих боевых коней казаки в Сене, появились и «карикатуры» на них, изображающие в преувеличенно смешном виде казаков в Париже.

Французские фарфоровые заводы выпустили тарелки и блюда с изображением атамана Платова и казаков. В Англии, куда, в Лондон, столицу Англии, были приглашены атаман граф Платов и старый казак Землянухин, с них написали прекрасные портреты. Землянухина, почтенного старого казака с длинною седою бородою едва не до пояса, чудаки ан-

гличане хотели возить везде с его алож пику — «дончихою». Пика не входила в карету, в которой возили Землянухина и в крыше кареты прорезали нарочно отверстие, куда можно было вставлять пику.

Англичане подарили Платову драгоценную, украшенную алмазами саблю. Они удивлялись его хитрости и восхищались его умом. Но ни лесть, ни подарки не прельстили атамана, он тосковал по Дону и стремился, как можно скорее, вернуться на Тихий Дон, где его ожидал создаваемый им Новочеркасск.

18 мая 1814 года был заключен мир с Францией. В 1815 году Донские полки потянулись один за другим в долгую дорогу через всю Европу на Дон — «домой».

10 июля 1815 года, в Париже, граф Платов отдал по случаю награждения Атаманского полка знаменем с изображением Спасителя и Георгиевским бунчуком приказ, где было сказано:

... »Теките к алтарю Вездесущего и проповедуйте, яко с нами Бог! Пренеполняйте глубочайшей признательности к Самодержцу нашему, коего отеческими попечениями вы превознесены, прославлены и благоденствуете; сохраняйте нерушимо обеты верности к Царю, вере и отечеству; не изменяйте неустрашимости вашей и храбрости, всеми признанной; покоряйтесь начальникам и внушайте потомкам вашим быть достойными преемниками славы вашей: вот чего требует от вас Помазанник Божий и все признательное Отечество...»

Войско-Донское за совершенные донскими казаками подвиги в отечественную войну 1812-года и заграничный поход 1813—1815 годов получило Высочайшую грамоту. В ней значилось:

«Божиею поспешествующею милостью мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский и пр. и пр. и пр. на Дон в нижние и верхние юрты, Нашим атаманам и казакам, войсковому атаману, генералу от кавалерии графу Платову, правительству войска Донского и всему оному знаменитому войску, Нам вернолюбезному.

Донское Наше воинство в минувшую с французами войну усердием, подвижностью и храбрыми действиями своими оказало важное отечеству услуги. Поголовное ополчение и прибытие оного в знатных силах к нашей армии было толь поспешное и скорое, которое тогда токмо бывает, когда совершенная к исполнению долга своего ревность всех и каждого одушевляет и движет. Мужественная и неутомимая бдительность войскового атамана графа Платова, також и сподвизавшихся с ним всех войска сего храбрых генералов, офицеров и всех вообще Донских урядников и казаков, много способствовала к преодолению великих сил неприятельских и к одержанию над ним полных и знаменитых побед. Они непрестанными на него нападениями и частыми с ним битвами везде возбуждали ему способы к продовольствию и чрез то привели всю многочисленную конницу его в совершенное изуряние и ничтожество. Когда потом, после многих бедственных для него сражений, был он победоносным нашим воинством поражен, обращен в бегство и преследован, тогда на пути в новых с ним жарких сражениях отбито у него бывшими под предводительством нашего храброго атамана графа Платова Донскими казаками знатное число артиллерии со многими взятыми в плен генералами их, офицерами и солдатами. Сверх сего неприятель, беспрестанно нами беспокоимый, принужден был многие орудия свои, со всеми к ним принадлежностями, затоплять в болотах и реках или, не успевая и того сделать, оставлять нам в добычу, так, что в продолжение бегства своего за пределы Российские, претерпел всеконечное и совершенное истребление.

«Толь знаменитые заслуги и подвиги Донского войска нашего, кои ознаменовало оно себя под начальством нам верностью преданного войскового атамана графа Платова, в кампанию 1812 года, и более в продолжение войны во многих битвах, с издания манифеста 13 апреля 1813 года до заключения мирного трактата в Париже, налагают на нас долг пред целым светом засвидетельствовать и повторить изъясненные в помянутом манифесте справедливую нашу к нему признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу его в памяти потомков.

«В справедливом уважении к сим отличным подвигам знаменитого Донского войска и в знак Монаршего попечения Нашего о его славе, жалует Мы ему от лица благодарного отечества, зная, отличные деяния войска в незабвенную для России войну изображающее.

«Да некогда сыны сынов вернолюбезного Нам Войска Донского, преднося пред рядами своими сию святую хоругвь славы и отечества, вспомнит деяния отцов своих и последуют их примеру.

«В довершение всемилостивейшего благоволения Нашего к Донскому Войску, Мы подтверждаем все права и преимущества, в Боже почивающими высокими предками Нашими ему дарованные, утверждая императорским словом Нашим неча-

рушимость настоящего образа его служения, толикою славою покрытого; неприкосновенность всей окружности его владений со всеми выгодами и угодьями, грамотами любезнейшей бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великой 27-го мая 1793 и Нами в 1811 году августа в 6-ой день утвержденную и толикими трудами, заслугами и кровию отцов его приобретенную.

«Мы надеемся, что таковая признательность Наша вернолюбезному войску Донскому ныне изъявляемая, обратится ему в священную обязанность с новою решимостью к новым подвигам по первому воззванию отечества. Пребывая ко всему Донскому войску и к каждому чину и чиновнику оного в особенности Императорскою милостью благосклонны, благоволили Мы подписать сию грамоту собственною Нашею рукою и Государственною печатью утвердить повелели...»

XXXIV

Донские дворяне-помещики. Казачьи офицеры — не казаки. Создание новых казачьих станиц из малороссов по Кавказскому тракту. Учреждение конной артиллерии. «Комплект полков». Форменная одежда. Составление «Истории Донского войска». Первая типография на Дону. Улучшение коневодства.

Грамота 1817-го года написана по старинному: — «на Дон в верхния и нижния юрты, нашим атаманам и казакам»... «правительству войска Донского и всему оному знаменитому войску»... Как будто по старому предполагает она Донское войско полусамостоятельным государством. Грамота говорит о «попечении «Государя» о нем; о его славе; она подтверждает «все права и преимущества» Донского войска; «ненарушимость настоящего образа его служения» и «неприкосновенность всей окружности его владений со всеми выгодами и угодьями»...

Как толковать это? Под покровительством Государя земли Русской войску предоставлялось жить, так, как оно раньше жило под атаманской властью, отбывать службу России по своему обычаю, владеть всею землею, то есть всем округом казачьего «присуда»... Так казалось бы. На деле этого не было. И это не Государь, не Русская власть лишила войско прежних его свобод и прежнего его вольного быта и той вольности, которая была в нем, но сама жизнь ломала все это и заставляла войско укладываться в новые рамки жизни.

Не тысячи и не десятки тысяч казаков населяли войсковую землю, но почти миллион различных людей населился на ней. И не могли, как прежде, все казаки съезжаться на круг решать войсковые дела. Или нужно было круг обратиться в церковно-войсковую церемонию, в своеобразный «парад», или создавать казачье представительство — собор, думу?... подобие заграничного парламента? Жизнь подсказала первое, как наиболее простое. Войско не было подготовлено к выработке новых форм Круга.

Грамота написана ко всем казакам, как людям между собою равным. Но этого равенства не было больше в Войске. Жизнь сломила его. И раньше были богатые и бедные казаки, были домовитые и была голытьба; были «старшины» и были рядовые казаки. При Императрице Екатерине II появились казаки в офицерских чинах; Донские «чиновники». Им нарезали особые наделы земли в собственность, они стали богатеть, обстраиваться.

Во время войн с Наполеоном, заграничные походы, участие в боях и походах наряду с Российскими полками, с кавалерией Русской — ее кирасирами, драгунами, уланами и гусарами, тесное соприкосновение с их офицерами, богатыми русскими «барями», помещиками, и на походе не расстававшимися с крепостными слугами, с собаками, каретами, колясками и прочими удобствами — показало казакам-офицерам иную жизнь. На походе казаки побывали в русских помещичьих усадьбах, стояли постоем в «дворянских гнездах», со всем тогдашним их уютом, красотой и роскошью. Они повидали русские конные заводы, богатые псарни, псовые охоты с нарядными доезжачими и псарями, они познали полноту привольной, богатой и безбедной барской жизни русского дворянина — помещика, живущего за счет рабского труда крепостного крестьянина. За границей они увидели богатые замки баронов и графов, они прикоснулись к новой, неведомой им, простым степнякам, жизни — за чужой счет.

И многие соблазнились...

Офицерский чин давал казаку права личного дворянства, а штаб-офицерский чин и права потомственного дворянства. В войске, где все казаки были между собою равны слово «донский дворянин» было без смысла; стали именоваться донскими казаками и «дворянами Российской Империи». Это звание льстило и правилось казачьим офицерам. Среди донских генералов было уже два графа: — Орлов-Де-

нисов и Платов. Жизненная суета овладевала казачьими душами.

Крутой зависти еще не было — она появилась много позже, но равенства тоже не было.

Возвращаясь из заграничных походов казачьи офицеры стремились устраиваться на своих больших земельных участках так, как они это видели в России. Нужны были рабы. Они смакивали к себе крестьян из соседних российских губерний, или покупали их у разорившихся русских помещиков. На большой Крещенской Урюпинской ярмарке был настоящий невольничий рынок. Помещики соседних губерний, Тамбовской, Воронежской и Рязанской сгоняли на нее крестьян и крестьянок, иногда в оковах на продажу целыми семьями и по одиночке и продавали их, или меняли на лошадей и на скот...

Пустынные до той поры Донецкий и Миусский округа заселялись большими крестьянскими слободами и подле них выросли помещичьи усадьбы — «дворянские гнезда». Заводились конные заводы и псовые охоты; все причуды русской помещичьей жизни, крепостные оркестры, крепостные архитекторы, и художники. И остановить это было не под силу атаманам.

Слава Донского войска, его победы, искусство воевать. Донских казаков привлекали в ряды казачьих полков русских офицеров более образованные, знающие иностранные языки, искусные офицеры штабов, они были нужны там, где большинство казачьих офицеров, еще малограмотные и в русской грамоте не справлялись. Подле атамана Платова служили офицеры Смирный и Шперберг. Это вторжение в казачьи ряды не казачьего состава должно было тоже отозваться на жизни и строе службы казаков.

На Дону оказалось к началу XIX века не мало малороссиян. Это были беглые из Малороссии, прижившиеся в войске; были тут и малороссияне, купленные когда то казаками, потом брошенные ими, пущенные ими на вольную волю — «живи, мол, как хочешь»; брошенные разорившимися казачьими помещиками рабы, таких были тысячи.

Платов, а в его отсутствие, наказной атаман Денисов, стремились узаконить пребывание этих людей на Дону.

16-го сентября 1811-го года состоявшие по Войску Донскому за разными станицами малороссияне в количестве 3.836 душ были переименованы в казаки. Из них были созданы станицы Махинская, Кагальницкая, Мечетинская и Егорлыцкая. Эти станицы были поселены по пустынной до той поры большому тракту из станицы Аксайской на Кавказ.

10-го октября 1817-го года для облегчения тяготы положения поселенных на границе Донского войска с Кавказской губернией обращенных в казаки к ним было «приселено» от всех 118 станиц войска 300 семей казаков.

Платов-же добился отдачи 8-го августа 1811-го года повеления: — «в казачьи полки не записывать на службу никакого звания людей, не принадлежащих Войску Донскому (не казаков)». Принятых раньше было повелено исключить...

Вернувшись из заграничного похода атаман граф Платов со всем пылом и страстью принялся отстаивать самостоятельность войска Донского. Человек большого ума и жизненного кругозора Платов понял, что борьба ему предстоит не с Правительством, не с Русскою властью, но с самою казачьею жизнью.

Император Александр любил, ценил и верил Платову и широко шел на все его предложения о преобразовании в войске. Борьбу нужно было с внутренними соблазнами, нужно было стараться всеми силами удержать казаков от дальнейшего склещивания в сторону барства и сохранить все то, что было приобретено войском в тяжелые годы войн и походов.

Нужно было упорядочить самую военную службу казаков и удержать ее на той высоте, какой она достигла во время войн с Наполеоном.

Платов убедился в значении и силе Донской конной артиллерии. В 1813 году он добился Высочайшего повеления иметь на Дону три роты конной артиллерии; в каждой роте было по двенадцать пушек, по две батареи. Заведывание артиллерийскими ротами было возложено на генерал лейтенанта Карпова 2-го.

Вступая в атаманство, Платов нашел порядок отбывания полевой военной службы казаками несовершенным. В 1802 году он устанавливает «комплект полков», который должно выставить Донское войско: 80 пятисотенных полков — 40 000 человек. Срок службы полкам был установлен: полкам, стоявшим далеко, по границам, или в отдаленных местностях Империи в три года. Полкам, отправляемым на службу внутрь России, в Грузию и на Кавказскую линию два года. При атамане Денисове, в 1820 году, было постановлено в виду сложности и ответственности службы полков, находящихся на Кавказе, на границах Турецкой, Австрий-

ской, Прусской и Шведской (в Финляндии) продолжать службу этих полков до четырех лет.

До 1801 года донские казаки, выходя в полки на службу, одевались хотя и по форме, но больше, кто как мог и как хотел. Выходили в домашних зипунах, в теллушках, в кавказских черкесках, в польских кафтанах. Ни погон, ни знаков отличия не было. В 1801 году всем казакам была дана однообразная форма одежды. Это были куртки до пояса, или длинные до колена чекмени; вместо барашковых шапок «панах» — были установлены кожаные «кивера»; были даны вместо шаравар длинные «чакчиры» из темно синего сукна с широким алым лампасом; вместо шапек — сабли на поясной портуpee. Офицерам полагались при параде — эполеты из серебряной канители с «чашками».

Старым казакам эта форма не понравилась.

— Солдагиной отдаст, — ворчали они по станицам. — Гляни, какими «уланами» повырядились!

— Сегодня нарядят уланами; а там, гляди, и в регулярство писать станут — казаков солдатами сделают.

— Очень даже это просто теперь!

Но, когда кивер и алые лампасы казаков в Наполеоновские войны пронесли Донскую военную славу через всю Европу; когда были они грозой для Европейской кавалерии; побывали во всех Европейских столицах — они стали очень любимы и дороги казакам. Они напоминали им о их мировой славе, непобедимого, несравненного конного войска...

Казаки и вне службы стали носить шаравары с лампасом, а в праздники охотно надевали свои старые кивера.

Ревнуя о воспитании казаков, о сохранении в них казачьего духа Платов поручил директору Донской гимназии в Новочеркасске Понову, приступить к составлению истории войска Донского.

В 1817 году Платов устроил в Новочеркасске первую на Дону типографию (книгопечатню).

Платов любил конские скачки и джигитовки; в них видел он поддержание бодрого и смелого казачьего духа. Из заграницы донские офицеры привели прекрасных, кровных лошадей. Платов, поощряя коневодство, давал таким офицерам участки степи для пастбы табунов. Так повелась по Дону знаменитая Донская лошадь. С сухой горбоносой головой — это от калмыцких маток — с длинной шеей — это от кровных жеребцов, с крепкими тонкими ногами, резвая, выносливая, закаленная суровыми зимами, проведенными под открытым небом, в табуне — она долго славилась, как резвейшая лошадь в России и в первую половину XIX века было много закладов о том, что донская лошадь побьет на скачках английскую чистокровную. На эту лошадь был большой спрос у кавалерийских скупщиков коней для пополнения кавалерии, у «ремонтеров».

Когда Донские полки уходили из Франции, Платов приказал каждому казаку взять с собою за пазуху по чубуку французских виноградных лоз. Этим обновлено было виноградарство, начатое еще при Петре I, и на Дону повелись тонкие вина, подобные французским.

Ни годы, ни надломленное в походах здоровье не останавливали атамана от непрерывных поездок по Донским станицам. Там собирал он подле себя казаков и беседовал с ними. Во время этих бесед старался атаман удержать в казаках их природный бодрый дух, сам являя собой пример жертвенной выносливости. Часто здоровье отказывало. Его удерживали от поездки; он ехал.

— Чем вы хотите меня сделать, — говорил он, — ребенком что-ли? На что я буду похож, когда после бесчисленных милостей ко мне государя, посмею испрашивать хотя минуту отдохновения от должности. Легче я умру, нежели решусь на это.

В сентябре 1817 года войско Донское посетил брат Государя Великий князь Михаил Павлович. После Петра I это было первое посещение Дона лицом Императорского дома. По этому случаю в Новочеркасске были построены красивые, богато отделанные въездные ворота.

Вскоре после смерти Платова, в двадцатых годах прошлого века была издана составленная начальником штаба Платова полковником Смирным книга «Жизнь и подвиги гр. Матвея Ивановича Платова». В большой этой книге много говорится о внешней жизни донского атамана, о его военных делах, о его привычках и мало сказано о его мудрых поучениях, о той большой воспитательной работе и о значении ее для Донских казаков.

Потом... Русские и Донские историки больше увлекались кровавыми разрушительными «подвигами» Разина, Булавина и Пугачева и проглядели славного создателя, атамана Платова.

П. Краснов

(Продолжение следует)

Они сойдутся в первый раз
 На обетованной долине,
 Когда трубы звенящий глас
 В раю повторит кляк павлиний,
 Звя всех мертвых и живых
 На суд у Божьего престола
 И станут парой часовых
 У врат Егорий и Никола;
 И сам архангел Михаил,
 Спустившись в степь, в лесные чащи,
 Разрубит плеч донских могил,
 Подняв высоко меч горящий.
 — И Ермака увидит Бог
 Разрез очей упрямо смелый,
 Носки загнутые сапог,
 Шпашак и панцырь заржавелый;
 В тоске несбывшихся надежд,
 От страшной казни безобразен,
 Пройдет с своей ватагой Разин,
 Не опустив пред Богом вежд;
 Булавин промелькнет Кондратий;
 Открыв кровавые рубцы,
 За ним, — заплата на заплате, —
 Пройдут зипунные бойцы,
 Кто Русь стерег во тьме столетий,
 Пока не грянула пора
 И низко их склонились дети
 К ботфортам грозного Петра.
 В походном синем чекмене,
 Как будто только из похода,
 Проедет Платов на коне
 С полками памятного года;
 За ним, среди кликов боевых,

Взметая пыль дорог райской,
 Проклянут с множеством других
 Бакланов, Греков, Илбвайский,
 — Все те, кто славу казака
 Сплета со славю имперской,
 Донского гнали машака
 В отваге пламенной и дерзкой
 Туда, где в грохоте войны
 Мужала юная Россия, —
 Стеней наездники ляхие,
 Отцов достойные сыны;
 ... Но вот дыханье страшных лет
 Повеет в светлых рощах рая
 И Каледин, в руках сжмкая
 Пробивший сердце пистолет,
 Пройдет сквозь крови и отрепий
 Донских последних казаков.
 И скажет Бог:

— «Я создал степи
 Не для того, чтоб видеть кровь».
 — «Был тяжкий крест им в жизни дан»,
 Заступник вымолвит Никола:
 Всегда просил казачий стан
 Меня молиться у Престола».
 — «Они сыны моей земли!»
 Воскликнет пламенный Егорий:
 «Моя волков они блюди,
 Мне поверяли свое горе».
 И Бог, в любви изнемогая,
 Ладонью скроет влагу вежд
 И будет ветер гнуть играя,
 Тяжелый шелк Его одежд.

Николай Турочков.

Поющее сердце

Так уж испокон веков повелось: копь — верный товарищ казака, песня — его крылатая подруга.

Нелегкая доля выпала казаку. Со многим любимым пришлось расстаться, от многого привычного отказаться по неволе, о многом только вспоминать и мечтать.

Дом, степь, вольный, размашистый бег коня, все это — пока в прошлом. Песня от казака неотделима. В песне его связь с прошлым, в песне — его надежды на будущее, в песне — его утеха в трудные дни настоящего.

Прекрасные напевы, то мощные и широкие, как родные казачьи реки, то полные горячей удали и молодого задора, то напоенные глубокой, за душу хватающей тоской, прекрасные, простые и искренние слова, — что может быть лучше казачьей песни? Недаром она облетела свет и покорила всех, кто ее слышал!

Казачье сердце — поющее сердце. Сколько на него навалилось горя, сколько в нем вечно кровоточащих ран, сколько в нем незабываемой жгучей обиды — и все же звучать оно не перестанет! Звучит оно и прадедовской песней, звучит и своими, в нем самом возникшими мелодиями.

Не странно ли — в чужой стране, в обстановке, полной превратностей боевой жизни, в редкие часы передышки и покоя рука тянется за карандашом, и на подвернувшихся клочках бумаги вдруг появляются короткие строчки, строфы: песня просится наружу.

Латинская поговорка гласит: когда говорит оружие — музы молчат. Нет, видно, не всегда, не везде это так!

Слишком долго была на устах печать, и вот теперь, когда есть возможность сказать все, что волнует — о ро-

дине, о пережитой скорби, о незабытой, пронесенной через гонения вере отцов, о праведном гневе, переполнившим до краев душу — так хочется налиться из глубины и до конца. Даже адский грохот войны этому помешать не в силах.

Казачье сердце — поющее сердце. Это не значит, конечно, что каждый казак — поэт. Это не значит, конечно, что все пережитое и набросанное на бумагу в минуты досуга заслуживает быть представленным на суд читающих и ценящих стихи людей.

Десятки, сотни стихотворных опытов залетают на редакторский стол. Тех, что могут быть напечатаны — немного. Почему?

Можно быть поэтом в душе и не написать ни одного стихотворения. Можно писать гладкие стихи и не быть поэтом.

Поэтом надо родиться, им нельзя сделаться.

Казак — поэт в душе. Он глубоко чувствует природу, величие подвига, красоту завещанных предками традиций. Он с древних времен умел находить в песне выражение своих чувств, он создал неувядаемые образцы музыкального народного творчества. И это осталось в крови. Вот где объяснение потребности излиться в стихах — во что бы то ни стало! Но это — не стихи. Это — песня о старом, о привычном и милом, часто повторяющаяся уже знакомые картины — перепев слышанного давно! Нет, это — не стихи. Это сердце поет — просто поет, как птица.

К стихотворению иные требования. Оно должно быть не только насыщенным содержанием, но отточенным по фор-

ме, своеобразным в выражениях, звучащим и запоминающимся. Оно должно о старом, всем знакомом, говорить новыми словами. Немногим отпущен такой дар. Не будем сетовать на это.

Философ Ницше сказал, что злые народы не знают песен.

С песней жить лучше, легче и свежей. Но и это — удел не каждого!

Бог не без милости — казак не без счастья. Большое, большое счастье — поющее сердце!

Т. М.

Шла тройка лугом по плотине.
Огромный пруд спокойно спал
И только где то там в низине
Тревожно чибис закричал.
Заря погасла, ночь настала;
Луна серебряным серпом
Незабываемо сняла
Над-темным полем и прудом.

Ник. Евсеев

К а з а к

(Окончание).

Был июль месяц, когда их пригнали в Усть-Вымь на реке Вычегде, что впадает в Северную Двину. Этап состоял из восьмисот «кулаков», следовавших особо от остальных колонн, сопровождаемый пулеметом, спец-конвоем северного отдела ГПУ и множеством сторожевых собак. Окрашенная вечным гниением леса в красно-бурый цвет, угрюмая, дикая Вымь несла Вычегде грузные баланы строевого леса. Там, в дремучей тайге, чьи-то руки всю долгую зиму отгребали от сосен снег, пилили их, окучивали и сжигали ветви, лес подтягивали к реке... Эти руки принадлежали тем, кого кратко называли «З. К.»

«Об этом знает только темный лес,
Сколько там творилось чудес.
На пеньки нас становили,
Раздевали, больно били,
Мама, мама, это Сталин — дьявола отец,
Это сказка из всех сказок и чудес».

Так пела бригада сплавщиков у тлеющего костра на берегу Вычегды.

Еще только вырубалась просека Усть-Вымчибью. Местами двигались по болоту, по колону в воде. Шаг вправо, шаг влево считался за побег, — конвой применял оружие. Через каждые двадцать километров на пути встречались прибитые к соснам дощечки: «командировка № 13», «командировка № 14». Был лес и болота, тучи москитов, но сюда должны были прийти люди, жить и строить тракт. Ночевали в лесу, согнанные как бараны в кучу; спали на мокрой земле, прижавшись друг к другу, одежда промокла, тело тряслось, кости невыносимо ныли. Утром выдали по куску соленой трески и погнали дальше.

На лагпункте № 15 строились бараки, тысячи согнанных сюда людей направлялись по командировкам, отсюда в сторону Чибью просека прорублена еще не была.

Инспектор учетно-распределительной части, вышедший принимать этап из двойной огромной палатки, в которой творились канювы дела лагерными придурками, — прочитав документы, заорал: «Казак? Это и есть самые казак? — и пригнувшись, пробегаю ряды, зашипел как змей, — «врагелцы, красноцы, джигиты? Вы у меня поджигитуете... с баланчиками... с сосенками, с плочками, с к-а-м-а-р-н-к-а-м-и». Он захлебнулся в собственной слюне, закашлялся, выкатив глаза, остановился. Напротив него в рядах стоял старый казак. Из под сохранившейся от тюрем и этапов кубанки, надвинутой на густые брови, насмешливо сняли глаза. Взгляды их встретились, инспектор побагровел, уловив тонкий казачий юмор. С минуту он молчал, наливаясь синевой злобы, как бы от удивления приседая на тонких ногах, потом,

как кутенок трусцой отбежал назад и, указывая на казака пальцем, не крикнул, а гавкнул, как подавившийся пес: «Ко мне!» Казак вышел и, не доходя шага, остановился. «Ближе!» — опять гавкнул инспектор. Казак сделал еще пол шага. Инспектор смешно отпрыгнул, залившись сатанинским хохотом. — «Казак! хи-хи-хи... А ну, казак, повторяй за мной, да кричи громко, громко», — взвизгнул он, — «чтобы весь лагерь слышал. Ну, повторяй: я, казак, есть контра, я сволочь, я подлюка, я долбаный в рот! Ну!»

Старый казак молчал.

«Ну?» — повторил инспектор, по кошачьи приближаясь к жертве. Презрение и насмешка ясных глаз были ему ответом. Инспектор размахнулся всем телом и ударил казака в зубы. Инспектор считался мастаком на удары. Не глядя на худобу и незначительный рост, он обладал невероятной силой. Натренированный в течение многих лет, будучи начальником тюрем и изоляторов, работая в качестве инквизитора на допросах, он настолько выработал удар, что наверняка смаху валит любого подследственного. Это стало его профессией. Бить человека в лицо, в зубы, в грудь, вошло в него, как паталогическая необходимость, как алкоголизм; он не мог не бить. Он, как морфинист, нудился с утра, требуя очередную дозу возбуждательного, был раздражителен, не мог работать, пока не находил жертвы. Тогда удовлетворенный, расслабленный, словно после акта любви, он возвращался к работе. В момент прихода этапа казаков инспектор, как выражались его коллеги, «еще не был с любовницей», т. е. никого еще не ударил. Ясные глаза казака тронули его сердце садиста. Он затрепетал от предстоящего удовольствия. Казаки! Те самые казаки, которые когда-то гоняли его по Петербургу, стегая плетью по спине, когда он, прикрываясь лозунгами революции, помогал жидам в порабощении русского народа.

Вот когда он собьет казака! Одним ударом! Хотя бы не осрамиться.

Он ударил.

Но казак стоял. Все присутствующие ахнули. Ахнули и в рядах заключенных от злобы и обиды за казака. Инспектор изменился в лице и ударил еще раз. Казак продолжал стоять. Он что то проглотил, очень туго, не желая выплевывать — настолько велико было его презрение. Инспектор осатанел; удары сыпались один за другим, лицо казака постепенно синело, потом потекла кровь, и вдруг казак вскрикнул: что-то темное с куском крови потекло по щеке и закапало на бушлат. От удара в затылок выскочил глаз. Казак пошатнулся, но не упал. Животный страх объел инспектора, суставы рук его ныли, казалось он бьет не человека, а камень. Светлый оди-

нокий глаз продолжал снать на вздувшемся синем лице. Где, где он видел такой суровый непрощающий глаз? Да, да, давно, давно он кажется раз был в церкви; там среди синих туч купола был нарисован глаз — «все знающее, все видящее око». — «Так ты Бог?» — заорал он. И инспектор подскочил к одному из конвойных, наставивших ружья на тронувшиеся вперед ряды заключенных, вырвал из рук винтовку и, прицелившись, в упор выстрелил. Но и тогда не сразу свалился старый казак. Он сделал два-три шага и упал на инспектора, придавив его телом.

★

А потом что видел Иван Негибов? Тайга, болота, ужас принудительного труда. Так долгие, долгие десять лет.

★

Скоро должен был наступить рассвет, мутное утро запылавшей днестровской весны. Тянуло туманом. Морозило. Серые стенки окопа, в котором сидел Иван Негибов, стянуло яглами льда. Все, что припомнил Негибов в эту ночь перед боем, было ответом на вопрос, поставленный им самому себе.

Тяжелы были воспоминания. С того времени прошло много лет, а вот, как сейчас видит он себя, стоящим над обрывом Уруна, помнит свои слова: «покуда бьется сердце в груди, видят глаза, слышит ухо, носят ноги, слушают руки — я буду бороться за волю казачества, за его честь и прана, добытые храбростью, подвигами и кровью». Да, помнит. Помнит разграбленный дом отца и зарево над станцией. «Гляди! Кровь казачья!» Что это? Галлюцинация слуха? Нет, там над Днестром крикнула какая-то птица. Негибов взял винтовку, прошел по окопу вперед, назад. Казаки спали в окопах, натянув воротники шинелей, нахлобучив кубанки и прижавшись один в одному. Сон перед боем. На рассвете казачий полк в взаимодействии с немцами пойдет в наступление. Враг, нащупав пробел, перешел Днестр. Надо выбить его, форсировать реку и вклинившись до местечка «Н.», закрепиться. Всю ночь немецкие самолеты производили разведку; далеко по фронту вспыхивали осветительные ракеты, взлетало пламя разрывов бомб, жалкие попытки врага навести мосты, подтянуть резервы — не достигали цели. Негибов присел, достал сигаретку, закурил. Вопрос, который поставил он себе накануне, был такой: должен ли я, русский, убивать русского? Воспоминания прошлого давали на это четкий ответ. Там были большевики, они не были русскими; человек, продавший Сталину и мировому жидовству, терял нацию, терял родину, подлая душонка его больше не принадлежала Богу. И первая пуля должна быть изменнику! Но там были и русские, сталинские рабы, выгнанные под угрозой смерти на фронт. И так смерть, и так смерть, но на фронте была надежда попасть в плен. Только тот, кто не был в России, не разговаривал с пленными, может не поверить этому. Но Негибов знал. Он был на фронте у русских. Даже его, раскулаченного, осужденного, презираемого, лишенного всех прав в обществе, Сталин погнал защищать его, его жидовский кагал, трон. И в первые же дни на фронте Негибов перешел к немцам. Сдающихся не убивают, он это знал. Большевикам же, этим «рыцарям 33-го года», воевавшим с женщинами и грудными младенцами, нет пощады!

«Какою мерою тебе меряли, такой мерою и ты отмерь, только во стократ больше».

Станция, родная станция... поросли твои улицы чертополохом... Но мы вырубим его...

— Негибов, ты это что?

Перед ним был сотенный. Казак вскочил на ноги.

— Ты болен?

— Нет.

— Глаза воспаленные у тебя, ты страшен. Спал?

— Нет, не спал... Я был дома...

— Дома? Где?!

— В станции.

Сотенный улыбнулся.

— Я тоже, стапичник, раз так бывал дома в станции, делов там натворил, и с жинкой поспал, и коммунистов всех перевешал. Вернул меня вахмистр. Ваше благородие, говорит, вы чашки на столе побили, меня вешать собираетесь. — Сотенный засмеялся. — И пьяный не был, задумался сильно. Было это в двадцатом году. Ну, а в сорок втором году это сбылось на яву... И тебе так может быть. Будет! — твердо добавил он.

Негибов не отвечал, глядя туда, где едва занималось утро. Сотник помолчав, присветил фонарик к часам. Было четыре.

— Негибов, — тихо произнес он.

— Слушаю, господин сотенный.

— Приказано вторично выслать разведку в район Днестра, ты был там третьего дня. Туда, по всем данным, сегодня в ночь спущен десант. Это место — район нашего наступления. Ты видел, в селе стоят машины с понтонами, а наша задача уничтожить десант, дать возможность германцам навести мосты для переправы танков. В разведку пойдешь ты и еще двое казаков. Надо пощупать там, выяснить силы. Приведи языка.

— Следуй за мной! — неожиданно строго добавил сотенный.

В штабной землянке качался табачный дым. Склонившиеся над картой офицеры следили за красным карандашом полковника. Сотенный подошел к столу. Негибов остался стоять в дверях. Он знал всех, кроме полковника. Многие побывали в ссылках, многие, уйдя в подполье, боролись с советской властью, остальные, переменяв фамилии, скитались по чужим краям. Все были смелые, старые казаки, старой казацкой закалки. Полковник был эмигрант. До этого его Негибов видел всего несколько раз. Седой, но стройный еще, впитавший в себя западную культуру, этот старый казак в немецком мундире, вызвал у Негибова симпатию и доверие.

Улучив минуту, сотенный, нагнувшись, что-то шепнул ему. Полковник поднялся.

— Как ваша фамилия?

— Негибов.

Полковник чуть сдвинул брови.

— Как звали отца?

— Павел Григорьевич.

• Полковник улыбнулся. — Какой отдел?

— Лабинский, — ответил Негибов.

— Служил во втором Лабинском полку, — сказал полковник, подходя ближе, беря руку казака и крепко ее пожимая.

— Попутеец? Так... Знал я твоего отца. Сослуживец! Жив?

— Умер в Якутии — ответил Негибов дрогнувшим голосом.

Полковник перекрестился. — Царство Небесное мученику... Ладный казак был.

С минуту полковник молчал. От набежавшей тени воспоминаний лицо его стало старым, осунувшимся.

— Извели, извели казачье племя, — чуть внятно произнесли его губы.

— Нет, казачье племя живет, — твердо и громко сказал Негибов.

За столом притихли и оглянулись. Полковник поднял голову, радостно устремив взгляд на казака.

— Правду говоришь, казак. Казачье племя возвратится, оно станет еще могучей... Прекрасно, пойдя сюда. В карте разбираешься?

— Так точно, господин полковник!

★

Друг! Дружба! Это понятие чести, преданности, благородства. Это великая ненависть ко всему порочному, святая любовь к родине, к брату по крови, к общему делу, во имя которого ведется борьба. Дружба! Сколько написано о ней песен, она звучит в музыке, в живописи, в поэзии. Всегда слово «друг» определяло верность в любых опасностях, во все времена, при любых обстоятельствах. В России, с момента прихода большевиков, понятие «дружба» выхолостили, нарядили в фату витиеватой демагогии, налепили ярлык сексота и пустили в народ чудовищным пауком провокатора. И понятие «друг», «дружба» стало в России лишь газетным пижонством.

★

Из трех казаков, отправившихся в разведку, никто никогда разбором таких понятий не занимался. Произнося слово «друг», они понимали его содержание не словесной формулировкой, а взаимным отношением, воинской службой, сердцем, которое никогда не обманывает, казачьей природой взаимной выручки.

Они не были станичниками, соединились в полку, боролись против общего зла — большевизма. Иван Негибов, Федор Назин, Григорий Мартынов. Три казака шли на выполнение боевого задания. Уже наступал день, как и тогда над Урупом, но не было гор, аромата цветов, не было тревожной тоски, как тогда. Было бледное небо, дул холодный карпатский ветер, шумел настороженно и сурово лес. Было ясное сознание долга, четкость, трезвость движений. Негибов двигался первым, Назин вторым, Мартынов третьим. Холмистая редколесная местность тянулась километра на три, дальше чернел сплошной лес. Там был Днестр. Справа гудела далекая канонада, разрывы снарядов были слышней. Стреляли по большому эвакуированному местечку. Не новый кровавый прием жидовских маршалов уничтожать мирное население. Правый берег Днестра молчал. Голую равнину у леса казаки преодолели ползком; тонкий лед болотной низменности ломался, жидкая грязь цвыркала в рукава, колени вымокли. За триста метров до леса, как и было условлено, Иван Негибов пополз сам. Мартынов и Назин остались в укрытии. Русский автомат «ППШ», сжатый в руках, замедлял движение. Темная туча дождя или снега, стоявшая на востоке, скрывала солнце, но ветер угнал туман и лес был виден отчетливо. У старого мшистого пня, от корней которого тянулись побеги, Негибов вынул бинокль, оглядел местность. Он знал, что так трудно было заметить что либо, но опыт разведчика, знание советской бездарной тактики сторожевого охранения и разведки — подсказывали надежду увидеть заставу. Он наводил бинокль, медленно, то углубляясь в просеки и лужайки, то возвращаясь к опушке, где кривая лесная коса забегала в равнину. Натренированный глаз быстро определил расстояние до обзереваемых точек. Это был сосновый естественный лес, местами светлеющий еще голой лиственницей. В Галиции так много насаженных лесов; в их прямых по нивелиру поставленных насаждениях трудно было укрыться и легко было «прочесать». Сейчас перед ним стояли бурые стволы сосен хаотически выращенных природой, то раскиданные, то теснящиеся сплошным массивом. Казалось не было ничего подозрительного; вершины леса качались, в чаще стоял еще сонный сумрак, хмурый день медленно заползал в

дубравы. Вдруг Негибов увидел белку, как серый мячик скакала она с ветки на ветку, вот мячик скатился на землю, направляясь к ельнику на опушке, и внезапно стремглав назад, секунда, и белка исчезла. Все! — подумал Негибов — слава Богу! спасибо тебе маленький лесной разведчик! Сомнения не было, на опушке была застава. Теперь он изменил курс и пополз в обход, по оврагу в сторону от опушки.

Сколько их человек, взять бы тихо. Так не хотелось стрелять, тогда все, не проникнешь к ним, точно не установишь. Ага, их два: часовой и подчасок, подумал он. Ледок звенит, ломаясь, он останавливается. Нет, ему так кажется, что очень громко. А если их цепь по лесной окраине? Наконец лес, первые сосны. Тишина обманчива, но лежать вечность тоже нельзя. От сосны к сосне, рывком стал пробираться к опушке. Вновь помог бинокль. Впереди, среди десятков стволов, кажущихся огромными, показывающих янтарную кору, как в микроскоп — он заметил подол шинели, серой так знакомой ему шинели. Он вновь лег, тихо двигаясь на животе. Их было двое, один спал прикурнув у комеля елки, другой напряженно глядел в равнину. Латанные, также знакомые ему ботинки, обмотки, засаленная пилотка, бледная, щетинистая, затянутая голодом щека красноармейца.

Нет! «там» ничего не произошло, неизменилось.

— Руки вверх — тихо сказал Негибов, подняв автомат. Красноармеец вздрогнул, упустил винтовку и не оглядываясь поднял руки. От удара о землю оружия проснулся подчасок. Тогда Негибов увидел испуганное, детское лицо мальчика, ужас застыл в его круглых глазах, когда он увидел кубанку и распростершего на ней крылья орла. Не поднимаясь (видимо парализованный страхом) он сидя высоко высоко задрал руки в длинных, не по нем рукавах.

— Еще есть посты? — спросил Негибов.

— Есть — поспешно ответил мальчик, — за километр справа.

— Они наблюдают эту равнину?

— Нет, у них другой сектор наблюдения. Тов. казак не убивайте меня...

— Когда придут вас сменить? — перебил Негибов.

— Через полчаса, наверное, я спал.

— Встань! — приказал Негибов. Так. Теперь вон, влево лошадка, туда шагом марш! Красноармейцы послушно двинулись. — Мы сами хотели сдать — начал было мальчик. Молчать! — приказал Негибов. Навстречу им пригнувшись бежали Мартынов и Назин.

В овраге получили необходимые дополнительные сведения. Назин должен был отогнать пленных. Мартынов продолжал разведку. Теперь было ясно: десант в сто человек, за ночь лодками переправили еще две группы. Штаб в трех километрах в глубину леса. Направление от опушки леса на юго-восток. Негибов решил пройти дальше. Родилась смелая мысль: захватить следующую смену. Время еще оставалось. Новая смена, не найдя сектора, поднимет тревогу. Они хотели чуть пройти вглубь леса и, замаскировавшись, ждать. Говорят, есть судьба и от нее не уйдешь. Но человек сам творит свою судьбу, ибо он живет, мыслит, к чему-то стремится, его толкают общественные интересы, личные побуждения. Навстречу шла не смена выставленных секторов, а группа из тридцати человек с задачей прохода в тыл для производства диверсий. Двадцать четыре рядовых, шесть коммунистов-комиссаров, различных чинов, из них два представителя штаба партизанских движений со специальными заданиями. Обе стороны соблюдая предосторожность шли на сближение. Два казака — спокойных,

без намека тревоги, и тридцать человек, из которых двадцать четыре были посланы силой приказа. Тягостные минуты отсчитывал рок многим на них.

Первыми заметили казаки. Поздно было что-либо придумать, оставалось только ждать, уповая на Бога. Враги шли цепью, соблюдая дистанцию примерно в двадцать метров. Они не могли не заметить. — «Все» — подумал Негибов — «так жизнь свою не отдам!» «Вот это номер», — удивился Мартынов, и пока, заметивший его комиссар, поднимал автомат, открывая рот, — он нажал спусковой крючок. Негибов тоже полоснул автоматом слева на право; еще два человека упало. Большевики залегли. По казакам били со всех сторон, они отбивались редко, но каждый раз кто-либо из обстреливающих умолкал. Умолк и Мартынов. Негибов видел как он повернулея на бок подобрав ноги, как будто так было удобней лежать. Негибов отстреливался. У него было еще две гранаты. Он лежал между двумя кореньями выступавших на поверхность старой сосны, ствол ее утыкался десятками пуль. Каждый раз когда видел, что попадал, говорил: «за отца, за мать, за истерзанных в 33-м, за казачество». Первая пуля попала ему в ладонь, странно, почему в ладонь, но автомат и на секунду не выпустил. Еще одна пуля прострелила икру ноги, видимо, стреляли сверху, с дерева. Теперь пули лежились справа и слева, его обходили. И вдруг огонь прекратился. «Ага, хотят взять живым», кто подползал, кто прямо бежал, Негибов все видел. Он хотел дать длинную очередь, но получилось только два выстрела. Все! Диск истощился. А для себя пуля? Быстро он извлек гранаты, одну швырнул в толстого, обвешанного патронами жида. «Ага, и жид тут» — весело подумал Негибов. Ну получай! Другую прижал к сердцу, пусть, пусть навалятся, умрем так с треском. Но кто-то вырвал у него гранату, его скрутили и поволокли из лесу. Там, где так недавно он снял заставу, его бросили. Вбешенный единственный из коммунистов оставшийся в живых, комиссар с серым от злобы лицом приказал раздеть его, и топча ногами казачье обмундирование, плюя на него шипел: «надо было тогда еще вас выбить, умертвить проклятое племя, стереть с земли. Изменники!» Потом его били торопясь, боясь что он встанет. А когда тупой ножик вырезал на его груди орла, он плюнул в лицо нагнувшемуся над ним комиссару. Из группы сбившихся в стороне красноармейцев крикнул: чего там, расстреливать, что ли? Кто смел жалеть? Враг?!

Его истязали три человека, комиссар и еще двое. Они забрали у него часы, серебрянный портсигар, сняли кольцо, надели его сапоги. Несчастливая большевистская рвань! Боже, как далеко стоят остальные! О, я не умер, нет. А сила есть, есть еще у казака сила. Он может взять в руки меру и отмерить им во сто крат больше... Вот автомат в руках комиссара, как близко! Казак живуч, его не скоро дбканаешь! Эх, казачья хватка!

Казалось пружина кинула его от земли, он выхватил автомат одновременно нанося удары в пах комиссару. Очередь. И нет двух ограбивших его. Еще очередь и комиссар схватив живот завертелся на месте. Шатающийся, полуголый, окровавленный человек стоял перед красноармейцами. В глазах потемнело, он ничего не видел, он думал только чтоб не упасть, чтоб скорей отхлынула от головы кровь. Его могли застрелить, его надо было только тронуть, и он упал бы и уже больше не поднялся.

Можно смерти не бояться
Под губительным огнем,
Если можешь управляться
С необъезженным конем,
Если Бог с тобою вместе
Был и будет впереди,
Если цел нательный крестик
На простреленной груди.

Ужас держал людей. Сила души казака, стремление к жизни, жить, во что бы то ни стало жить, пока не истощится ненависть с последней кровью к врагам уничтожай их, пока не остановится сердце — жить! Может быть кто из них вспомнил и свою жизнь, жизнь под плетью жида. И момент для них был упущен. Кровь отхлынула в раны, казак уже видел все. Словом, нет, только страхом он подчинит их. Он полоснул по ним смертью из автомата, многие попадали. Кто то завыл заплакав; казак, родненький не убивай!

— Руки вверх! — Пересчитал. Было семнадцать человек. Для чего считать? Боже, время, время уходит, только бы не упасть. Он позвал старика в телогрейке, в гражданских брюках, который плакал. — «Веди меня» — сказал он. Сознание ускользнуло, но он двигался, погнав людей туда, где лежал друг-казак. Мартынова подняли и понесли. «Снять шапки!» — крикнул Негибов. Он не слышал грома начавшегося наступления. Он шел сзади шатающийся и говорил мертвому: будет греметь казачья слава. Память о тебе святая, друг. Вернемся в станицы, в сады, сложим о тебе песню, друг.

Когда подоспел взвод казаков, подошел танк, он уже ничего не видел. Упав на землю, брошенный стариком, в испуге поднявшем руки при виде казаков. — Он твердо знал, что будет жить, обязательно жить...

Станица, родная станица...

На ломанном русском языке спросили: кто этот человек? Знакомый голос ответил: казак! Он хотел повторить: казак; но только губы его чуть двинулись: да, казан!

Л. Агронов.

Начало зародыша

Первый казачий полк

Майские дни стояли солнечные. Поля покрывались уже нежными, короткими зелеными травками. Весеннее солнце улыбнулось, в этот 1942 год, свое ласковой улыбкой. Весна в этом году принесла счастье казачьему народу, который при большевиках был загнан в тюрьмы, каторги. У которого большевики стремились ликвидировать все прошлое, традиционное и историческое. Но 25 лет казачество не переставало бороться с большевиками. Старая традиция не только не ликвидировалась, а наоборот она пополнялась новыми опытами в борьбе против энкаведистов-большевиков.

В эту весну, по разрешению Верховного Командования Германской армии, в городе Винница (на Украине), начались основываться новые антибольшевистские казачьи добровольческие части. Правда, до этого момента уже существовали и действовали совместно с немецкими частями, отдельные маленькие казачьи отряды, но с мая месяца 1942 года началось постоянное формирование казачьих полков.

6 июня 1942 года окончательно сформированный казачий полк, из пленных добровольно бросивших поле боя, с высокоподнятой головой, твердыми шагами, с горящими глазами, оставил Винницкий лагерь для военнопленных. Он выехал для несения службы. Полк был разбит на три дивизиона и отправлен в три пункта: Днепрпетровск, Кременчуг и Хороль.

При прибытии на места стали получать паек немецкого солдата и жалованье.

После отбытия карантина (были случаи заболевания тифом), началась усиленная подготовка и изучение немецкой команды.

Через 2 месяца все три дивизиона съехались снова в одно место, в 30 км от гор. Полтавы по направлению к Карловке, так называемый «Военстрой». К этому дню дивизионы уже были сплочены и не трудно было обнаружить случайно попавшиеся чужие элементы.

Коммунистические «мудрецы» под маской казаков попадали в наши ряды, стремились сломить боевое настроение казаков путем распространения разных большевистских слухов, но дух казаков никто уж не мог сломать.

Боевая подготовка принимала более конкретные формы. Полк получил новое оружие, полное снаряжение. Пригнали около тысячи голов лошадей.

В августе месяце 1942 года казаки приняли присягу на верность в борьбе совместно с армией Великой Германии против жидо-большевиков и его союзников.

Осенью 1942 года по инициативе Командира полка, из лагерей военнопленных была отобрана новая партия казаков в количестве около 2-х тысяч человек. Всего в полку насчитывалось более 3-х тысяч человек.

В связи с переменой обстоятельств, по направлению Харькова, по приказу командования, наш полк должен был совершить поход. В труднейших условиях зимы 1943 года в полной боевой готовности, со всем полковым имуществом, полк совершил большой переход маршевым путем до Белой Церкви, (февраль—март).

Во время продолжительной стоянки в районах Ракитянского (Белоцерковский округ) казаки помогли местным жителям в весенних работах. Командир полка решил использовать лошадей для вспашки огородов местному населению.

...«Ловкость, сметна и сноровка
— Весь капитал у казака»...

Кроме того наш полк являлся угрозой для бандитских групп, свирепствовавших в окрестностях Белой Церкви.

Командовал полком подполковник барон фон Вольф, отлично знавший Россию и казачество. Казаки дорожили им, любили его как своего отца. Ныне барон фон Вольф является командиром 4-го Кубанского казачьего полка, который героически борется с коммунистическими бандами на Балканах.

Полк в конце апреля месяца 1943 года вошел в вновь организованную 1-ю казачью дивизию. Казаки и офицеры первого «Винницкого» полка целиком находятся и ныне в 1-ой казачьей дивизии. Много уже из них имеют медали «За храбрость» и «Отвагу» в борьбе с бандитами.

Таков пройденный путь первого нашего зародыша казачьего полка.

Теперь таких казачьих полков уже появилось десятки. Все они в скором будущем прорвут путь на свою казачью родину. Снова на полях казачьих будут разноситься казачьи песни. Снова серебристо-острые пашки заблестят как в старину. Снова казачья воля и свобода.

Выше клинки! За окончательную победу над жидо-большевизмом! За свободное казачество!

Хорунжий Баранов.

Смерть сотника Свинарёва

В штабе мне передали две небольших пачки документов. Две пачки — две человеческих жизни.

Алымов Василий Михайлович. Умер в лазарете города Радома 27 апреля 1944 года. Диагноз: туберкулез. Причина лежащая вне человеческой воли. Ничего не поделаешь — все мы смертны.

Но другой документ заставляет задуматься. С исчерпывающей немецкой точностью сообщает следующее:

«Казачий сотник Свинарёв Семен, рождения 3 февраля 1909 года, Ростовской области, станицы Калитвенской, хутора Свинарёва, 5 мая 1944 года в 7 часов утра, выстрелил в грудь Иозефы Ш. После этого выстрелом в голову покончил с собой. Иозефа Ш. отправлена в лазарет города Стрый. Сотник Свинарёв похоронен на сельском кладбище деревни Головско в 14 часов 30 минут. Свидетельство о смерти при сем прилагается»

Коротко и ясно. По немецки. Даже указаны часы и минуты самоубийства и похорон. Все понятно. Но непонятно одно: как это могло случиться в наши дни?

Погиб казак не за понюх табаку. Погиб не от партизана, не от бомбы, ни от пули противника на фронте, а от собственной руки. Вот так взял и пустил себе пулю в лоб. И не стало человека.

Смертью нас теперь не удивишь: о смерти мы слышим каждый день на каждом шагу. Смерть стала привычным явлением. Даже в дальнем тылу никто не может быть от нее гарантирован, но есть смерти, над которыми невольно приходится призадуматься, стараешься осмыслить их и не можешь: смерть — подобная смерти сотника Свинарёва не укладывается как то в рамки обычного логического мышления.

— К чему?... Зачем?... Что за смысл?... Человеческая страсть?... Да разве настоящая война не есть наивысшая человеческая страсть, которая поглотила все остальные страсти? Ну еще понятно — в мирное время... когда в спокойной обстановке, личная страсть может заслонить весь мир и привести к трагическому концу, но во время войны, да еще такой своеобразной войны, как настоящая — кончать самоубийством, — дикий, ничем неоправдываемый акт.

Жизнь человеческая — величайший, ни с чем несравнимый дар природы, глубочайшая тайна бытия, тайна, которая известна только Всемогущему.

Великий писатель Лев Николаевич Толстой хотел одно время приоткрыть завесу над тайной бытия, зашел в тупик и чуть не покончил жизнь самоубийством. Спасла только христианская вера и мораль. Анатолий Франс — культурнейший писатель нашей эпохи, как сын своего народа, свел все к плотским утехам: «Любовь — самая точная наука... Остальное все иллюзорное...»

Глубочайший из философских вопросов каждый разрешал по своему. Этот вопрос будет разрешаться на протяжении всей жизни человечества. Чувство жутки и содрогания охватывает человека, когда он хочет заглянуть в эту бездну. Немногие из великих мужей отваживались на это и многие из них выходили раздавленные этой величайшей тайной.

Человек должен знать одно: он может любить, смеяться, плакать, страдать, работать, драться, но он не имеет права поднимать на себя руку. Не зря церковь отказывается отпевать самоубийц, считая такую смерть противной догмам учения христианской веры и морали.

Кончать жизнь самоубийством — это противно высшему

предопределению человека. Пусть, если придется, изувечат, пусть убьют тебя другие, но поднимать руку на себя нельзя.

В том то и вся прелесть и обаяние Джека Лондона, что вся философия его многотомных произведений сводится к прекрасной могучей мысли:

«Живи, борись за жизнь изо всех сил, когда даже против тебя 99%».

Прекрасно! Замечательно! В этом вся сила человеческой жизни.

Во время войны, когда жизнь отдельного человека принадлежит своему народу, национальной идее, акты самоубийства — самые позорные ничем не оправдываемые акты.

«Про мертвых или говорят только хорошее, или ничего не говорят» — такое существует правило. Но нет правила без исключений. О смерти сотника Свинарёва необходимо говорить. Говорить потому, что найдутся другие слабые духом, которые тоже захотят сделать дырку в черепе.

И спрашивается: Зачем? Что это за причина, что уж так необходимо кончать жизнь самоубийством?

Мне пока неизвестны точные факты смерти Свинарёва. Но из сухого, бесстрастного документа значится: сначала выстрелил в грудь Иозефы Ш. а потом себе в голову. Все это произошло в 7 часов утра, повидимому на квартире Иозефы. В деле замешана женщина... Повидимому измена?... Если было какое предательство — об этом бы сказали в документе, не этого не видно...

Пусть даже измена... Так что-ж? Надо застрелить женщину и себя?... И когда?... В наше время? — когда к вопросу чистоты взаимоотношений полов — сейчас во время войны, надо подходить осторожно, разрешая этот вопрос в общем аспекте, глубоко заглядывая в те причины, которые породили ту «легкость» взаимоотношений, которую мы сейчас наблюдаем.

Война!... Вот основная причина многих неприятных следствий.

Повидимому для сотника Свинарёва звезда казачьей идеи: освобождение от большевизма, жизнь на земле предков — слишком слабо светила, что обида и горе смогли заслонить то великое общеказачье дело ради которого мы должны жить и бороться всюду где бы мы не были.

Я знал Свинарёва еще в Сарнах. Он производил на меня впечатление человека искренне преданного нашему делу. Предо мной лежат его документы: награждение Восточной медалью, производство в сотники, — все это говорит в его пользу. Но выстрел в собственную голову — это как-то не укладывается в мозг.

Зачем?... к чему?... Как все это жутко!...

Пропал казак... И как раз тогда, когда каждый человек на учете, каждая казачья жизнь для нас дорога и ценна... Уж не так то нас много, чтобы мы могли спокойно проходить мимо подобного, легкого отношения к жизни, а кто есть — должны теснее сплотиться ради нашего будущего.

Будущее не дают, а берут.

Мы, казаки, возьмем его. А для этого нужна упорная, тяжелая борьба.

А ведь небось на Дону, где нибудь в той-же станице Калитвенской, жена и дети ждут мужа, отца...: «может быть еще придет отец? Будем ждать...»

Не дождутся... Лежит донец на сельском кладбище в Галичине. Далеко от Дона... На чужой стороне...

Александр Погодаев.

В издании нашего журнала, в серии «Казачья Библиотека» готовится к печати новая книга:

«К О В Ы Л Ь»

Избранные стихи современных казачьих поэтов:

Алексея АЧАИРА, Мари ВОЛКОВОЙ, Ив. ДАНИЛОВА,
П. ДОНСКОВА, Ник. ЕВСЕЕВА, Ал. ЗАДОРЖНОГО,
П. ПОЛЯКОВА и Николая ТУРОВЕРОВА.

Разное

Марченко Леонид Яковлевич, Фельдпост № 04508 — разыскивает брата Марченко Александра Яковлевича, рождения 1924 года и сестру Марченко Людмилу Яковлевну, рождения 1927 года, уроженцев Курской обл., Борисовского района, села Банцуры, выехавших на работу в Германию 4 сентября 1942 года. Последнее местожительство — гор. Люксембург.

Буланов Петр, Максимович, Фельдпост № 04508 — дядю Буланого Иосифа Тимофеевича, 58 лет, уроженца ст. Засовской (Кубань) эмигрировавшего за границу в 1920 году и брата Григорьева Авдея Алексеевича, 45 лет из ст. Засовской (Кубань), эмигрировавшего за границу в 1920 году.

Погожев Иван Федотович, Фельдпост № 04508 — сына Погожева Михаила Ивановича, рождения 1915 года из ст. Новомарьевской Лабинского отдела (Кубань), эвакуированного 14 января 1943 г.

Борщев Игнат Иванович, Фельдпост № 04508 — брата Вялова Алексея Никитьевича, рождения 1895 года, эмигрировавшего за границу в 1920 г. В 1938 г. имел сведения о нем из Венгрии.

Воронин Семен Ильич, Фельдпост № 04508 — брата Воронина Данила Иосифовича, рождения 1894 г. из ст. Мечетинской, Ростовской обл., эмигрировавшего за границу в 1920 году.

Жильцов Иван Григорьевич, Фельдпост № 04508 — брата Жильцова Григория Григорьевича, рождения 1904 года с сыном Николаем Григорьевичем, рождения 1925 года, эвакуированных из ст. Мечетинской, Ростовской обл. (Дон).

Логачев Николай Иванович, Фельдпост № 04508 — сына Логачева Ивана Николаевича, рождения 1918 года, из станицы Петропавловской, Темиргоевского р-на (Кубань) в одной из военных частей.

Потебенко Иван Васильевич, Фельдпост № 59315 — брата Потебенко Григория Васильевича, рождения 1926 года, из хут. Большого, Романовского р-на, Ростовской обл. в одной из частей армии.

Медовик Александр, Фельдпост № 56188 — сыновей Медовик Геннадия и Медовик Валентина среди военнопленных или воинских частей, уроженца ст. Екатериновской (Кубань).

Нор Александр, Фельдпост № 56188 — мать Нор Стефаниду и сестру Евдокию Ефремовну, эвакуированных из ст. Тонельно (Кубань).

Кириченко Владимир Никифорович, Фельдпост № 56188 — мать Кириченко Марию, сестру Веру и брата Анатолия, эвакуированных из станицы Астагаевской (Кубань).

Бородин Андрей Степанович, Фельдпост № 56188 — брата Бородина В. С. среди эвакуированных и воинских частей.

Кочура Иван Антонович, Фельдпост № 56188 — отца Кочура Антона Степановича и братьев Григория и Александра Антоновичей, уроженцев ст. Марьянской (Кубань) среди эвакуированных и воинских частей.

Давницкий Константин Алекс., Фельдпост № 56188 — брата Давницкого И. А., уроженца ст. Петровской (Кубань).

Поздняков Сергей Степанович, Фельдпост № 56188 — отца Позднякова С. С. из ст. Петровской (Кубань) среди эвакуированных.

Пупченко Василий Петрович, Фельдпост № 56188 — брата Пупченко Д. П. из села Дербетовки, Ставропольской губ. среди военнопленных.

Сальников Николай Иванович, Фельдпост № 56188 — сестер Марию и Екатерину Керенцевы, эвакуированных из ст. Краснодонецкой (на Дону), в 1942 году на работу в Германию.

Грибеда Григорий Семенович, Фельдпост № 56188 — дядю Кирияна Василия Ивановича из ст. Новолешковской (Кубань) среди военнопленных и воинских частей.

Боярко Алексей Семенович, Фельдпост № 56188 — отца Боярко Семена Федоровича из ст. Петровской (Кубань) среди воинских частей.

Лихацкий Григорий Васильевич, Фельдпост № 56188 — отца Лихацкого Василия Карповича с семьей, эвакуированного из ст. Курчанской (Кубань).

Полковник Головно Петр Васильевич, Фельдпост № 56188 племянников Евгения, Виктора, Валентина, Михаила и сына Льва Петровича Головно, уроженцев ст. Камышевской (Кубань).

Дронов Олег Иванович, Фельдпост № 56188 — брата Дронова Владимира Ивановича среди военнопленных и воинских частей.

Чурсин Виктор Александрович, Фельдпост № 56188 — брата Павлова Александра Ивановича, выехавшего на работу в Германию в 1942 году из ст. Лихой, Донской обл.

Горб Трофим Исидорович, Фельдпост № 56188 — сыновей Петра и Ивана Горбовых и внука Горб Максима Гавриловича, уроженцев ст. Староминской (Кубань) среди военнопленных и воинских частей.

Евсигнеев Иван Петрович, Фельдпост № 56188 — отца Евсигнеева Петра Николаевича, брата Воинова Ивана Константиновича и дядю Титова Терентия Николаевича, уроженцев ст. Усть-Быстринской (Дон).

Денисовский Юрий Николаевич, Фельдпост № 56188 — отца Денисовского Николая Миняевича, рожд. 1897 г. эвакуированного из города Армавира (Кубань).

Градинар Владимир Пантелеймонович, Фельдпост № 56188 — дядю Градинара Захария Ивановича, рожд. 1905 г. среди воинских частей.

Титаренко Владимир Павлович, Фельдпост № 56188 — брата Титаренко Ивана Павловича, рожд. 1918 г., выехавшего на работу в Германию из села Макеевки, Сталинской обл. в 1942 году.

Журавель Илья Михайлович, Фельдпост № 56188 — отца Журавель Михаила Яковлева и брата Журавель Василия Михайловича из станицы Астагаевской (Кубань).

Снежко Михаил Иванович, Фельдпост № 56188 — отца Снежко Ивана Терентьевича и дядю Снежко Михаила Терентьевича из станицы Петровской (Кубань).

Зюзин Анатолий Иванович, Фельдпост № 56188 — мать Дерипасска Марию Ильиничну, сестру Клавдию Ивановну, рожд. 1925 г. и братьев Дерипасска Ивана Николаевича и Ивана Федоровича, рождения 1926 года, из села Абиточная, Запорожской обл., выехавших на работу в Германию.

Фомич Григорий Иванович, Фельдпост № 56188 — отца Фомич Ивана Спиридоновича и брата Фомич Михаила Ивановича из станицы Астагаевской (Кубань).

Драпов Евгений Карпович, Фельдпост № 56188 — братьев Драповых Виктора Карповича, рожд. 1927 г. и Николая Филипповича, рождения 1926 г., эвакуированных из ст. Ахтанизовской (Кубань).

Чуркин Владимир Александрович, Фельдпост № 56188 — отца Чуркина Александра Ивановича, рожд. 1904 г. из ст. Ермаковской, Одесской обл. в одной из казачьих частей.

Подгорный Терентьевич, Фельдпост № 56188 — отца Подгорного Терентия Самойловича, хут. Ханькова, ст. Анастасиевской (Кубань).

Никитченко Василий Максимович, Фельдпост № 56188 — разыскивает мать Никитченко Ксению Антоновну с семьей, эвакуированных из станицы Астагаевской (Кубань) в 1943 году.

Кузменко Николай Макарович, Фельдпост № 56188 — отца Макаренко Макара Денисовича, мать Елену Ивановну, сестру Людмилу Макаровну и тетю Симоненко Марфу Ивановну, эвакуированных из станицы Старотитаровской (Кубань).

Лукутцов Виктор Васильевич, Фельдпост № 56188 — брата Лукутцова Николая Васильевича, уроженца села Лбы Орловской обл.

Власов Андрей Иванович, Фельдпост № 56188 — брата Бибики Григория Ивановича, рожд. 1913 года, из ст. Динской (Кубань).

Кубрак Виктор Терентьевич, Фельдпост № 56188 — братьев Алексея и Владимира Терентьевичей, уроженцев ст. Старотитаровской (Кубань).

Пилипенко Константин Андреевич, Фельдпост № 56188 — отца Пилипенко Андрея Андреевича, рожд. 1902 г., эвакуированного из ст. Старотитаровской (Кубань).

Ростопка Василий Николаевич, Фельдпост № 56188 — дядю Голованя Ивана Ивановича, рожд. 1905 г., эвакуированного из ст. Марьянской (Кубань).

Плоский Михаил Петрович, Фельдпост № 56188 — брата Яковлева Виктора Петровича, эвакуированного из ст. Старощербиновской (Кубань) в 1943 году.

Кобец Дмитрий Давыдович, Фельдпост № 56188 — брата Михаила Давыдовича, рождения 1921 года, из станицы Старотитаровской (Кубань).

Деревенец Василий Данилович, Фельдпост № 56188 — отца Данила Исаевича, рожд. 1901 года, из ст. Старотитаровской (Кубань).

Арефьев Николай Иванович, Фельдпост № 56188 — брата Михаила Ивановича, рожд. 1928 года, эвакуированного из ст. Абинской (Кубань) в 1943 году.

Жорич Иван Иванович, Фельдпост № 56188 — брата Жорина Ивана Тимофеевича, рожд. 1899 года, из ст. Сиротинской (Дон).